

Уже за полночь, когда Гу Чэнъань вышел из ванной и позвал его спать, Лу Юси, всё ещё сжимая в руке телефон, посмотрел на него и спросил: «Как думаешь, я правильно поступил?»

— О чём именно? — переспросил Гу Чэнъань.

Лу Юси промолчал, опустив глаза, и лишь после долгой паузы произнёс:

— Что отдал ему дом.

Хотя он и задал этот вопрос, сам понимал: на него нет однозначного ответа, нельзя просто сказать — правильно или нет. И всё же ему, словно в попытке обмануть себя, хотелось услышать одобрение со стороны, чтобы кто-то подтвердил: он не сделал ничего плохого.

Услышав это, Гу Чэнъань тоже задумался, но в итоге сказал:

— Разве у тебя был другой выход?

Да, другого выхода не было.

Лу Юси несколько секунд смотрел на экран телефона, где всё ещё светился номер, и наконец вздохнул. С лёгкой, почти неуловимой улыбкой он ответил:

— Да, не было.

Так тот звонок он так и не совершил. Но через два дня человек, с которым он хотел связаться, позвонил сам. И произошло это как раз на обратном пути, когда они с Гу Чэнъань возвращались домой. Лу Юси не хотел говорить при нём, но телефон разрывался, и в конце концов пришлось ответить.

— Твой отец вернулся, да? — тут же спросил собеседник.

Лу Юси в первую секунду не понял, как Лу Миньлин могла узнать об этом так быстро. Едва он ответил «Угу», как услышал её спокойный, но полный упреков голос:

— Почему ты мне ничего не сказал? Самовольно решил продать дом? Если бы не дочь тёти Чжан, ты бы мне вообще ничего не рассказал?

Ему страстно захотелось ответить резко, но в этот момент из трубки донеслись несколько сдавленных кашлей — и слова, уже готовые сорваться, вдруг переменялись.

— Не переживай об этом, просто лечись, — сказал Лу Юси.

Но Лу Миньлин и не думала отступать. Голос её звучал слабо, однако каждое слово она произносила чётко и ясно:

— Как ты мог продать дом? Какая разница между этим и тем, если бы мы продали его сразу? Где мы теперь втроём будем жить?

Лу Юси вдруг остановился. Он держал телефон у уха, а голову опустил так низко, что, наверное, выражение его лица в этот момент было ужасным.

Втроём? «Теперь»?

Он отчётливо вспомнил, как год назад, когда всё только начиналось, они действительно

обсуждали возможность продажи дома. Тогда казалось, что долг не так велик и его можно выплатить, если постараться. Да и если продать дом — придётся снимать жильё, а это долгие и большие расходы.

Но сейчас, когда на кону стояли пятьсот тысяч, Лу Миньлин задавала те же вопросы, и он действительно не мог этого понять.

Ему казалось, что голос вот-вот сорвётся, но он уже не думал о том, что услышит или подумает стоящий рядом человек.

— Дом... он правда так важен? — тихо спросил он.

Да, неужели дом так важен?

На том конце провода воцарилась тишина.

Они шли по улице, мимо пронеслись машины, сновали прохожие — но всё это словно происходило в другом измерении. В ушах у Лу Юси звеняще гудела лишь тишина в трубке, наполненная слабым фоном связи.

Не знаю, сколько прошло времени, но она наконец спросила:

— Почему... почему ты не сказал мне раньше?

В этот миг Лу Юси почувствовал, как кровь ударила в голову, оглушительно, до потемнения в глазах. Кажется, это был первый раз за всю его жизнь, когда он закричал на Лу Миньлин.

— А что бы изменилось, если бы я сказал? — выкрикнул он. — Ты бы решила проблему? Хватит витать в облаках! Какие «втроём»? Где мы будем жить? Ты думаешь, для меня этот дом — просто деньги?

— Мама, это ведь и мой дом тоже!

Собеседница положила трубку.

Сколько ему было лет, когда он осознал, что у него нет отца? С тех пор он никогда не злился на Лу Миньлин, никогда не говорил ей ничего резкого. В отличие от других детей, он очень рано понял, что у него нет права капризничать и срывать — потому что раз за разом слышал: одной матери растить ребёнка невероятно тяжело.

Поэтому даже после того, как Лу Миньлин вышла замуж за Ли Дуня, он продолжал носить эту мысль в себе. Даже когда в одиночку собрал вещи и вернулся из деревни в Цзянчэн, он просто молчал.

Перед выбором матери он мог лишь склонить голову — потому что видел, как ей тяжело. Но это не означало, что он и вправду способен один вынести всё это.

Он сгорбился, опустил голову и уставился на экран телефона, где ещё светились последние вызовы. Внезапно он потерялся: с каким выражением лица теперь говорить с человеком рядом?

Но тот ничего не сказал. Просто взял его за руку, позволил погрузиться в свои мысли и повёл домой.

Поднялись по лестнице, открыли дверь, вошли, обнялись.

Гу Чэнъань не произнёс ни слова — и именно это было сейчас Лу Юси нужнее всего.

Как ни странно, хотя их вкусы в еде и одежде различались, Гу Чэнъань в такие моменты понимал его удивительно точно.

Вечером они, как обычно, рано приняли душ, но сегодня у Лу Юси не было настроения смотреть телевизор. Наполнив миски Ютяо едой и водой, он лёг в кровать и уткнулся в телефон.

Когда Гу Чэнъань лёг рядом, Лу Юси уже минут десять неподвижно смотрел в одну точку. Он почувствовал, как тот приблизился, обнял его за талию и притянул к себе.

— О чём думаешь? — тихо спросил Гу Чэнъань, его голос прозвучал низко и мягко прямо у самого уха.

Лу Юси отложил телефон, повернулся и прижался к нему, ища тепла.

— О маме, — так же тихо ответил он.

Гу Чэнъань не стал расспрашивать дальше, просто обнял его и начал медленно проводить костяшками пальцев вдоль позвоночника.

— Я сегодня... после того звонка... немного пожалел, — проговорил тот у него на груди, помолчал, будто обдумывая, и подтвердил:

— Да, пожалел. Кажется, я не должен был на неё кричать. Моя мама... она всегда так хотела иметь настоящую семью. Для неё «семья» — это только когда втроём.

Так что, пожалуй, он и вправду не должен был её не понимать. В конце концов, дом она покупала вместе с Ли Дунем. Хотя у Лу Юси и были свои причины поступить именно так, это всё равно вышло опрометчиво. Если она сердится — что ж, ему стоило принять это.

Гу Чэнъань, видя, что тот замолчал, мягко спросил:

— Значит, хочешь извиниться?

— Угу, — тот кивнул, не отрываясь от его груди. — Но не знаю, как начать. Дом уже отдан отчиму, его не вернуть.

Гу Чэнъаню стало больно за этого человека. Тот только что сказал, что потерял дом, — и всё равно корил себя за то, что накричал на мать.

— Если хочешь извиниться — извинись, — тихо сказал Гу Чэнъань, обнимая его чуть крепче. — Между матерью и сыном нет таких слов, которые нельзя было бы сказать.

— И ещё, — он мягко поцеловал его в лоб, — даже если ты отдал дом отчиму и он его продал, ты не останешься без дома.

— Там, где я, будет твой дом.

Лу Юси улыбнулся, прижался к нему ещё сильнее, а через некоторое время поднял голову и поцеловал его в подбородок.

— Ты такой хороший, — прошептал он. — Но в одном ты ошибся. Если уж быть дому, то нашему.

Если бы существовала поговорка «нет худа без добра», то кое-что точно можно было бы под неё подвести.

Например, встречу с Гу Чэнъанем.

После стычки у школьных ворот слухи в университете не утихали целую неделю.

Впрочем, Лу Юси и раньше оказывался в центре пересудов, так что он не обращал на них внимания и просто жил своей обычной жизнью.

К тому же эта история не была похожа на типичную светскую сплетню, и к тому моменту, как о ней узнал Чжан Вэньсюй, прошло уже четыре дня.

<http://bllate.org/book/16262/1463567>